

**НЕЗАВЕРШЕННАЯ СУДЕБНАЯ КОНТРРЕФОРМА:
МУРАВЬЕВСКАЯ КОМИССИЯ (1894 – 1899 ГГ.)**

Краковский Константин Петрович доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84).
E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru

Аннотация

Статья посвящена различным аспектам деятельности Комиссии Н. В. Муравьева, готовившей проект, сутью которого была консервативная ревизия Судебных уставов 1864 г. Он должен был стать заключительным аккордом судебной контрреформы

Ключевые слова: Судебные уставы 1864 г., судебная реформа, судебная система, суд присяжных, мировая юстиция, земские начальники, судопроизводство, принципы правосудия, консерватизм, либерализм.

Современная «вялотекущая» судебная реформа, стартовавшая еще в начале 90-х годов прошлого века, рядом своих новелл напомнила «хорошо забытое старое»: преобразования отечественного суда второй половины XIX века (в частности, введение мировой юстиции, суда присяжных, провозглашение независимости судебной власти и т.д.). Неудивителен интерес современников к событиям далекого прошлого и стремление провести сравнение – «что было, что есть и ... что будет». В этом смысле небезынтересен и исторический опыт, свидетельствующий о печальной судьбе судебной реформы 1864 г., выразившейся в судебной контрреформе конца 70 – 90-х годов, а также системной попыткой пересмотра Судебных уставов в 90-е годы XIX в.

Среди ряда бюрократических комиссий, рассматривавших проблемы «совершенствования» отечественного суда в постреформенный период, особое место занимает «Высочайше учрежденная Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части» («Муравьевская комиссия»; 1894 – 1899 гг.).

Величие ее планов и подготовленных проектов, с одной стороны, и почти нулевое воплощение их в жизнь – характерные черты этого учреждения. Следует обратить внимание на то, что стартовала она при Александре III, опираясь на охранительные идеи его правления, а финишировала – при Николае II, в эпоху преддверия революции.

Александр III полагал, что «юристы от сенаторов до самого низа – доктринеры, почти революционеры и т. д.», но в юристе Н.В. Муравьеве он видел человека, «который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках» [1, т. 2, с. 458]. Все же следует уточнить устоявшееся мнение о Муравьеве, как человеке только и мечтавшем о разрушении Уставов 1864 г. К примеру, Н. Н. Ефремова полагала, что Комиссия Муравьева «выработала законопроекты, которые должны были *полностью ликвидировать* (выделено мной – К. К.) Судебные Уставы» [2, с. 86]. Это не получилось, объяснила она, благодаря революционному подъему.

Нужно ли понимать высказывание Александра III о Муравьеве как задачу *ликвидации* Уставов или *полный отказ* от их принципов. Полагаю, что, если бы Муравьеву была определена такая цель, он не включил бы в состав Комиссии ряд принципиальных и последовательных почитателей Судебных Уставов 1864 г. Н. В. Муравьев неоднократно говорил, что его не следует рассматривать ни как врага, ни как безусловного приверженца Уставов. В своей речи 30 апреля 1894 г., посвященной *началу* работы Комиссии, он заявил, что ключевые принципы уставов признаны цивилизованным миром «как лучшая гарантия правосудия и не подвергаются никакой критике» [3, с. 136].

Следует согласиться с Ф. К. Тарановским, первым исследователем работы Муравьевской комиссии, утверждавшим: «Муравьев понимал, что нет в империи ни одного ответственного юриста, который бы выступал за воскрешение дореформенной юстиции, или за создание юстиции на принципах, отличных от общепризнанных, что реформа воспринималась как *conditio sine qua non* современного европейского государства и попытка изменить это могло вызвать шквал сопротивления». Муравьев понимал, что разрушение Уставов могло бы стоить слишком много для его репутации и карьерных перспектив. Но он должен был сделать нечто впечатляющее, чтобы сохранить доверие императора [4, с. 166].

Не сомневаемся, что многие идеи Муравьева коренились в предложениях и планах К. П. Победоносцева (в частности, о необходимости отмены несменяемости судей, усиления контроля за адвокатами, и др. [5, т. 1. с. 65]). В личном фонде Н. В. Муравьева в РГИА хранится дело, относящееся к пересмотру судоустройства и судопроизводства [6]. Оно содержит записку Муравьева «О необходимости изменений судебных учреждений и судебных порядков» (лл.1–18 – черновой набросок доклада царю 7 апреля 1894 г.) и анонимную записку по такой же теме (лл. 19 – 25). Авторство последней легко установить: это – аутентичная копия доклада К.П. Победоносцева Александру III 30 октября 1885 г., сутью которого является ключевое положение всесильного обер-прокурора Синода: «Бесконтрольная и обособленная юстиция несовместима с самодержавием» [7, Т. 1. Полутом 1, с. 68].

Первым шагом в обнародовании своих принципиальных взглядов на суть судебной деятельности стала речь Н.В. Муравьева при вступлении на пост министра юстиции 4 января 1894 г., в которой он отметил: «...судебная часть есть отрасль правительственной деятельности на благо общее, и судебное ведомство есть один из органов правительства... Наша деятельность должна быть строго согласована с намерениями и видами правительства, а выполнять ее необходимо в дружном единении с другими правительственными органами, из которых многие с нами сопредельны и

вправе рассчитывать на наше искреннее содействие для пользы службы Его императорскому величеству [8, т. 2, с. 374]».

И хотя Н. В. Муравьев и не был столь прямолинеен, как его старший коллега, К. П. Победоносцев, его «всеподданнейший» доклад 7 апреля 1894 г. весьма созвучен идеям этого консерватора. К началу 90-х годов, отмечал Н. В. Муравьев, положение реформированной юстиции отнюдь не могло считаться упроченным и ясным; ее окружала смутная атмосфера колебания и шаткости; еще не определившиеся веяния, во всяком случае, не способствовавшие безмятежному ходу правосудия [9]. Исходя из этого, новый министр юстиции полагал, что в основу предпринимаемой реформы должно быть положено начало незыблемого утверждения *государственного характера и правительственного направления суда* (выделено нами – К. К.) и судебного ведомства. При правильном устройстве суд должен быть, прежде всего, верным и *верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли* (выделено нами – К. К.) монарха, всегда направленной к охранению закона и правосудия [5, с. 65].

Царь полностью согласился с идеями доклада и наложил на него резолюцию: «Твердо уверен в необходимости всестороннего пересмотра наших Судебных уставов, чтобы, наконец, *действительное правосудие* (курсив мой – К.К.) царило в России» [5, с. 66].

Как отмечали современники, Муравьев не сказал нового как программы на будущее, а лишь подвел итог предшествующей политики [10, т. 2, с. 629 – 630]. Он был противником паллиативов – многочисленные изменения в Уставах, независимо от целевого назначения, не согласовывались друг с другом – это были разрозненные бессистемные дополнения; поэтому он взялся за *систематический* пересмотр Судебных Уставов – в принципе, на наш взгляд, это правильный подход.

Трудно не согласиться с констатацией фактов, изложенных в эффектно выступлении Н. В. Муравьева при открытии Комиссии: «До 12-ти различных на пространстве империи судопроизводственных порядков, до 9-ти различных типов одной местной юстиции, действующих нередко рядом в разных комбинациях; крайнее разнообразие в подсудности и обжаловании, принципиально важные отличия в устройстве судебных мест; одновременное и совместное существование таких разнообразных судебных институтов, как кассация и ревизия; суд присяжных, суд выборный, сословный и коронный; суд, так сказать чисто судебный и суд судебно-административный; следствие предварительное, производимое следователем-судьей и следователем-чиновником, следствие формальное, производимое и следователем, и мировым судьей, и полицейским заседателем; адвокатура присяжная и не присяжная, но патентованная, адвокатура частная, но легальная, и адвокатура контрабандная, подпольная, вместе с отсутствием всякой защиты на суде... - таковы выдающиеся признаки той чрезвычайной дробности, которая пестрит нашу судебную организацию». [8, Т. 1, с. 477 – 478].

Другое дело, каковы были глубинные цели этого пересмотра. Еще вступая на должность министра юстиции, он определил две важнейшие задачи ведомства: 1. Сохранить и утвердить в отечественном суде общепризнанные основные начала правильного судопроизводства и судопроизводства, дарованные судебной реформой 1864 г. 2. Укрепить государственное значение и правительственный характер суда и су-

дебного ведомства, с разумным их единением в законных пределах с другими правительственными ведомствами [11, с. 3 – 4]. Сразу заметим, что задачи эти стали трудновыполнимыми вследствие внутренней противоречивости, если не сказать, что они были взаимоисключающими.

Именно механизмы обеспечения этого подхода волновали его больше всего (а не ликвидация Уставов). Н. В. Муравьев как человек умный, наверняка, видел и предчувствовал, в каком направлении развивается социально-политическая ситуация в стране и организовал работу именно в направлении гарантирования (обеспечения) «государственного направления» деятельности суда, чтобы предупредить неприятные для правительства результаты политических процессов, имевшие место в 60 – 70-е годы XIX в., обеспечить безотказность работы судебного механизма в борьбе с «революционной заразой». Не случайно, вспоминая удручавшие правительство результаты процессов над народниками, Н. В. Муравьев впоследствии говорил: «...Уроки судебной истории предостерегают от увлечений в понимании того, каким быть русскому суду и в чем должны заключаться его улучшения» [12].

Н. В. Муравьев утверждал, что его Комиссия не последовала ни одному из направлений общественной мысли (безусловное отстаивание неприкосновенности Уставов либо требование их отмены), а пошла своим путем – в русле, намеченном в апреле 1894 г. [8, т. 2, с. 580 – 581]. Впрочем, определенные метаморфозы в подходах Н. В. Муравьева, на наш взгляд, имели место. Дело в том, что всего через полгода (1 ноября) после начала работы Комиссии Муравьева Александр III умер. Возможно именно здесь можно усмотреть некоторую корректировку жесткого курса министра, объявленного при ее открытии, на более сдержанный, в духе уважения принципов Уставов 1864 г.

В ряде своих выступлений уже во время работы Комиссии Н. В. Муравьев пояснял свое отношение к ключевым принципам, на которых должна зиждиться «новая судебная реформа». То, что он стоит на почве принципов Судебных уставов, Муравьев подчеркнул в трех своих речах – на открытии в мае и июне 1894 г. Петрозаводского («о правде и милости»), Оренбургского («о суде скором, справедливом и равном для всех») и Уфимского («о возвышении и самостоятельности судебной власти, утверждающей уважение к закону») окружных судов [13].

Конкретные цели и задачи Комиссии Н. В. Муравьев определил в своей речи перед председателями судебных палат 18 декабря 1895 г.

1. Объединение различных судебных установлений в общем типе, который был бы пригоден, с некоторыми частными изменениями, для всех местностей империи.
2. Приближение суда к населению, при устройстве местной юстиции в качестве первой ступени и исходной точки всей организации.
3. Достижение возможно большей быстроты в судоустройстве (и судопроизводстве).
4. Выделение судебного ведомства из учреждения земских начальников и «оставление за ними той судебной власти, которая необходима для немедленного охранения порядка и безопасности и для ограждения прав частных лиц в

повседневной, бытовой и хозяйственной жизни сельских местностей, с передачей остальных дел в ведение местных чисто судебных органов».

5. Признавая «центральное значение» для реформы вопроса об устройстве местной юстиции, министр юстиции заявил: «желательное преобразование должно начаться с объединения существующих ныне двух главных типов уездной юстиции – чисто судебного (выборные мировые судьи в столицах и др. местах, мировые судьи, назначаемые на окраинах) и судебно-административного».
6. Наделение прокуратуры частично функциями общего надзора.
7. Расширение полномочий старшего председателя палат в сфере надзора за судами.
8. Реформа следственной части (сокращение подследственности за счет расширения дознания, соединение функций следователя и единоличного судьи, большее обеспечение прав личности в стадии расследования).
9. Сохранение общего суда присяжных, с улучшением его состава под руководством единоличного судьи, и создание специального суда присяжных в лице сословных и иных заседателей повышенного ценза по особым категориям дел.
10. Изменение существа, пределов и порядка обжалования (сокращение апелляции).
11. Усиление роли Сената в разъяснении законодательства в направлении приближения толкования к прецеденту и др. [14, т. 1, с. 33 – 34]

В концентрированном виде эти основные идеи Муравьева об улучшении суда определил Ф. К. Тарановский: «унификация, стандартизация и упрощение», упрощение процедуры для удешевления и ускорения, повышение зарплат судьям, подъем их морального облика [4, с. 166].

Организация работы

Итак, Комиссия по пересмотру Судебных уставов была создана Указом царя 7 апреля 1894 г. Первоначально она включала, также по назначению императора, 23 человека (министр юстиции, его товарищи, 8 сенаторов, три обер-прокурора, два директора департаментов МЮ, 6 представителей министерств – от МВД, Минфина, Государственной канцелярии). Комиссия была разделена на 4 отдела (позднее был организован еще один), в которые входили постоянные члены и приглашенные специалисты (62 человека) [15, с. 35].

По словам Н. В. Муравьева, «в комиссии собрались и встретились носители и выразители самых различных, иногда противоположных, всегда самостоятельных взглядов и мнений по судебным вопросам» [16, с. 9]. Признаем, – весьма достойный подход к формированию состава комиссии.

Первоначально намечали трехлетний срок работы Комиссии, но увидели, что не успевают, и в конце 1896 г. решили продлить еще на несколько месяцев, но фактически потребовалось еще 3 года для завершения работ.

Источники информации Комиссии

В чисто техническом отношении работа Комиссии отличалась тщательностью, что неудивительно, так как в ее состав входили крупнейшие специалисты в области

права. В итоге пересмотра судебных законоположений они не оставили без внимательного обсуждения ни одного сколько-нибудь значительного законодательного вопроса. Достаточно сказать, что подготовительные материалы Комиссии были впоследствии опубликованы в 12 томах, «Труды» в 9 томах, «ЖМЮ» на протяжении всех лет, пока работала Комиссия, систематически помещал отдельные материалы на своих страницах.

Н. В. Муравьев подошел к делу систематического пересмотра Уставов основательно. Он стремился опираться в работе на максимально великое число разнообразных источников информации о работе пореформенного суда, прежде всего, полученных от сотрудников этой системы, а также администраторов, наблюдающих повседневно, подчас весьма ревниво за «независимым ведомством»: если не сверху, то, во всяком случае, «сбоку».

Так, в конце декабря 1894 – начале января 1895 гг. при Министерстве юстиции в течение 3 недель работало специально созванное Муравьевым *Особое совещание старших председателей и прокуроров судебных палат*. Участники совещания (в состав совещания входили председатели отделов Комиссии, директора департаментов МЮ, старшие председатели и прокуроры всех 10-ти судебных палат империи) рассматривали многие вопросы (в частности, о надзоре в судебном ведомстве, о возвращении ревизионного начала в порядок обжалования, о содержании чинов судебного ведомства, о реформе стадии предания суду, о деятельности суда присяжных и сословных представителей, о судебной карьере и др. – всего было проведено 23 заседания) с точки зрения практического опыта.

Не останавливаясь на обзоре обсуждения всех вопросов, поставленных на этом Совещании, хотелось бы отразить наиболее существенные. Одним из таких вопросов была *реформа кассации*. Участники разошлись во мнениях о необходимости сохранения единства кассации или предоставить это право и судебным палатам. Так, 7 (но какие звезды юриспруденции – Кони, Случевский, Спасович, Таганцев, Фойницкий и др.!) из 17 участников заседания выступали за сохранение единства кассации. Также большинство не принимало идею возрождения дореформенной ревизии дел Сенатом [14, т. 1, с. 104 – 132].

Обсуждался и вопрос о *существовании судебных палат*. Интересно, что большая группа старших председателей и прокуроров судебных палат высказалась за их сохранение именно для рассмотрения дел особой важности, – о государственных преступлениях [14, т. 1, с. 63 – 64]. Лишь небольшая часть участников Совещания предлагали передать дела о государственных преступлениях в подсудность окружного суда с целью приблизить суд к населению [14, т. 1, с. 66].

Достаточно бурно прошли заседания (30 и 31 декабря) об участии в суде *общественного элемента* (присяжных заседателей и сословных представителей) [14, т. 1, с. 185 – 243].

В пространным выступлении председатель заседания А. Ф. Кони недвусмысленно показал свою приверженность институту присяжных заседателей, хотя и назвал ряд проблем, касающихся его функционирования и подлежащих решению (составление списков присяжных, имущественный ценз, необходимость сообщения присяжным о грозящем подсудимому наказании и пр.) [14, т. 1, с. 185 – 203].

Подавляющее большинство (18 против 2) выступивших судей и прокуроров весьма одобрительно охарактеризовало суд присяжных, высказалось против имевшего место сокращения их компетенции и за расширение сферы их юрисдикции. А что касается сословных представителей – тут судебно-прокурорская элита почти единодушно выступила с критикой этого «общественного элемента» [14, т. 1, с. 232].

Прошедшие 28 и 29 декабря заседания Совещания были посвящены вопросам работы *следственного аппарата* [14, т. 1, с. 133 – 167]. А. Ф. Кони, председательствовавший на них, заявил, что предварительное следствие по своей постановке и практическим результатам, по-видимому, является «одной из слабых сторон судебной организации», приведя целую систему аргументов, подтверждающих эту сентенцию [14, т. 1, с. 133 – 139]. Выступившие лишь дополнили эту безрадостную характеристику работы следственного аппарата, суть высказываний сводилась к мысли о признании причинной связи недостатком предварительного следствия с личными качествами самих следователей, а также... с обширностью территорий следственных районов, обременением делами и отсутствием организованного розыска полицией [14, т. 1, с. 147].

Заседание 4 января 1895 г. (под руководством министра юстиции) было посвящено *судебной карьере* [14, т. 1, с. 290 – 317]. Высказывались благие пожелания – обеспечить назначение на судебные должности только достойных и физически здоровых (кто устал, должен уходить!); было признано, что при назначениях преобладает элемент случайности, что имеет место «протекция и искательство», а достойных обходят.

Вторым источником эмпирических материалов для работы Комиссии были отзывы представителей административных властей о состоянии судебной части. По заданию Н. В. Муравьева были сделаны «выжимки» из отчетов губернаторов за многие годы, касающиеся оценок суда, – от мирового до Сената [17, т. X].

Так, бывший Пензенский губернатор, тайный советник Татищев писал (в отчете за 1884 г.), что Уставы 1864 г. обладали рядом достоинств, но, учитывая особенности менталитета русского народа, далекого от осознания своих гражданских прав и обязанностей (в отличие от западноевропейских народов), они принесли больше вреда, лишив, в силу обилия содержащихся в них – Уставах – формальностей, возможностей пользоваться в полной мере благами справедливого суда. «Сами судьи, пользующиеся правом несменяемости и не ответственные за свои решения, – заключал он, – не считают себя вправе давать сторонам необходимые указания, руководить ими... Эксплуатация адвокатами населения, и проистекающая от этого иногда очевидная несправедливость в решениях суда подрывает в народе уважение к закону и самому суду» [17, т. X, с. 3 – 4].

В Записке Костромского губернатора, тайного советника Шидловского (11 янв. 1895 г.) [17, т. X, с. 19 – 25] содержались категорические возражения против одного из основных принципов судебной реформы – несовпадения судебных и административных округов, ибо это, по его мнению, делало судей «обособленными». Поэтому вместо окружных судов он предлагал восстановить губернские суды. Он также усматривал подрыв власти губернатора в том, что он отстранен Уставами 1864 г. от наблюдения за деятельностью судов. Губернатор жестко критиковал суд присяжных,

а также кассационный порядок обжалования приговоров, противоречащий, по его убеждениям, духу русского народа, и не удовлетворяющий его требованиям справедливости. Впрочем, как мы увидим, высказанные, подчас радикальные, предложения не нашли отражения в проектах, составленных «Муравьевской комиссией».

Губернаторы окраинных территорий писали примерно в том же духе, коснувшись и особенностей судостроительства и судопроизводства, установленных для окраин, заявив о непригодности имперских судов для местного населения, которое милость и гуманность воспринимало как слабость, что поощряло новые преступления (Терская область). Также они отмечали недоверие местного населения новым судам, деятельность которых, якобы, не соответствовала духу и понятиям туземного населения (Елизаветполь) [17, т. X, с. 30 – 31]; с горечью отмечалось, что мусульмане относятся к имперским судам как к чуждым, не говорят в суде правды.

Третьим источником стало одновременное обревизование в 1895 г. судов России, созданных на основании Уставов 1864 г. (судебных палат и окружных судов, мировой юстиции) и учреждений, созданных по закону 12 июля 1889 г. (земские начальники и связанные с ними учреждения). В ревизии, производимой по особой, единой программе (64 позиции, касавшиеся всех основных аспектов деятельности системы правосудия, в том числе даже такие, как степень доверия и уважения, заслуженного судом на месте, взаимные отношения между судом и местным обществом, и дополнительных вопросов: по уголовному процессу – 273, по гражданскому – 112) выяснялось, в какой мере существовавшие судебные порядки соответствовали требованиям жизни и обеспечивали правильное отправление правосудия.

Результаты ревизии – «Свод ревизионных отчетов» – составили несколько томов «Трудов» Муравьевской Комиссии» (2-й том (личный состав), 3-й том (уголовное судопроизводство), 4-й том (гражданское судопроизводство), 5-й том (предложения по законодательным вопросам), 6-й том (статистические сведения)). Сотрудник Министерства юстиции Я. К. Городынский сделал подробный обзор результатов проведенных ревизий российских судов который позволяет сделать вывод о надуманности идеи о кризисе отечественной судебной системы в конце XIX века [18, с. 1 – 43; 19, с. 1 – 59; 20, с. 1 – 59; 21, с. 115 – 172].

Так, ревизоры констатировали что кадровый состав судов – вполне удовлетворительный, судьи пользуются полным доверием и уважением со стороны местного общества [14, т. 1, с. 6; 22, т. 2, с. 5]; были получены достаточно хвалебные отзывы об институте присяжных заседателей [23, т. 3, с. 42, 499 – 506] и, напротив, достаточно критичные о сословных представителях [23, т. 3, с. 596, 598], достались похвалы и на долю Сената за интенсивное разъяснение закона, особенно в первые пореформенные годы [14, т. 6, с. 631 – 640].

Напротив, много критических стрел досталось полицейскому дознанию, слабость которого была едва ли не главной причиной большого числа прекращенных дел, равно как и едва ли не самому слабому звену уголовного процесса по Устам 1864 г. – судебному следствию [19, с. 7, 26].

Ключевым вопросом ревизии *уголовного судопроизводства* были «неожиданные вердикты» суда присяжных. Важно отметить заключение «ревизоров» о том, что их причины «лежат не в сути и организации этого суда, а в недостатках уголовного

права» [23, т. 3, с. 502]. Более того, в ряде случаев проверявшие отмечали «живое и внимательное отношение к делу со стороны присяжных», их неформальный подход к делу и даже многочисленные случаи обвинительных вердиктов, вопреки мнению прокурора об оправдании [23, т. 3, с. 526, 540; 24, т. 6, с. 286].

Среди выводов ревизии судов в отношении рассмотрения *гражданских дел*, наиболее значимые касались сокращения участия прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве (оставить только дела казенных управлений, затрагивающие публичный интерес и опекуны), усиления активности суда, особенно в делах малограмотных крестьян с целью помощи сторонам устанавливать справедливость по делу. Многие судебные чиновники даже требовали внести в УГС категорическое постановление о праве суда как учреждения, восстанавливающего правду и справедливость там, где они были нарушены, указывать сторонам, какие именно доказательства важны для дела.

Проект нового судоустройства, разработанный Комиссией Муравьева

Не вторгаясь в описание пространных обсуждений проектов в Комиссии (за пять лет было проведено 503 заседания, отредактировано в общей сложности 4500 статей Судебных уставов), обратимся к результатам ее деятельности – подготовленному проекту. Комиссия издала 16 томов объяснительных записок к проектам: к «Учреждениям судебных установлений» в 5 тт., к Уставу уголовного судопроизводства в 5 тт., к Уставу гражданского судопроизводства – в 6 тт.

Комиссией было предложено более 200 принципиальных изменений к Судебным уставам по *ключевым направлениям*, касающимся местного суда, реформы следствия; постановлений о суде присяжных и служебного положения судебных чинов (повсеместное назначение всех судей от правительства); судопроизводства (децентрализация кассационного судопроизводства – из сената в судебные палаты по делам единоличной местной юстиции); преобразования частного обвинения, подготовки состязательности предварительного следствия, введения судебных приказов по малозначительным делам, введения компенсаций за необоснованное обвинение. Предусматривались изменения в гражданском процессе: ряд мер по упрощению процесса, уменьшению его обременительности, объединение торгового и гражданского судопроизводства, новая процедура исполнения решений, новый Устав о делах охранительных.

Несмотря на заявленный пиетет к основополагающим принципам Судебных уставов 1864 г., тем не менее, проекты Муравьевской комиссии предлагали видоизменение судебной системы, ликвидацию деления судебных органов на местные суды и общие судебные установления.

Проектируемая новая судебная система выглядела следующим образом. *Участковые судьи*, назначавшиеся министром юстиции, должны были рассматривать гражданские дела с суммой иска до 1000 руб. По сравнению с уставами 1864 г., подсудность участковых судей расширялась, что вполне отвечало потребностям жизни и развитию экономических отношений), соответственно окружные суды должны были «разгрузиться» от большого числа подлежащих их рассмотрению дел. Участковым судьям должны были быть подсудны уголовные дела, наказания по ко-

торым не влекли лишения или ограничения прав состояния; кроме того, на них возлагались предварительное следствие, нотариальные обязанности, разрешение дел охранительного производства.

В документах Комиссии Муравьева неоднократно подчеркивалось незыблемое положение судебных полномочий земских начальников, введенных в 1889 г. «Присвоение в 37 губерниях, где введено положение о земских начальниках, единоличным судьям название мировых не может иметь места, так как в глазах населения этих губерний могло бы возникнуть неверное представление о состоявшемся упразднении судебной власти земских начальников, что в свою очередь могло бы породить разного рода недоразумения» [25, т. 9, журнал; 4. Прил. 9].

Уездные или городские отделения окружных судов выполняли функции апелляционной инстанции для участковых судей, связанной с окружными судами и объединяющей (в отличие от мировых съездов) местную юстицию с вышестоящими судебными инстанциями. Они действовали в составе уездного или городского члена окружного суда, участковых и почетных судей. Новая категория судей должна была быть не выборной, а назначаемой министром юстиции сроком на 6 лет из лиц, прослуживших не менее 3-х лет в должностях, в которых могли приобрести практические навыки в отправлении судопроизводства. Они не выполняли обязанности участкового судьи в случае его отсутствия, а только пополняли присутствие уездного (городского) отделения окружного суда.

Окружные суды, в юрисдикцию которых попадали дела, выходящие за пределы компетенции участковых судей.

Судебные палаты, согласно проекту, становились апелляционной инстанцией по гражданским делам, подсудным окружному суду, и кассационной инстанцией по рассмотрению решений, вынесенных участковыми судьями.

Судебные департаменты Правительствующего Сената проектировалось сохранить в качестве высшей судебной инстанции империи. Однако они уже не были единственной кассационной инстанцией, т.к. судебные палаты также наделялись кассационными функциями [5].

Проект Муравьевской комиссии включал и положения, направленные на ограничения некоторых базовых принципов Судебных уставов.

Несменяемость судей. Проекты «Муравьевской комиссии» на пути упрочения «правительственного значения суда» использовали предусмотренные законом от 20 мая 1885 г. [26, т. V, № 2959] возможности ограничения судейской несменяемости. Но комиссия пошла дальше по этому пути. Согласно разработанным ею проектам, судья мог быть уволен за упущения по службе, свидетельствовавшие «о явном с его стороны пренебрежении к своим обязанностям», а также за «противные нравственности и предосудительные поступки», совершенные вне службы (выделено мной – К.К.). Вопрос об увольнении судьи решался по предложению министра юстиции в отношении коронных судей Соединенным присутствием первого и судебных департаментов Правительствующего Сената с последующим высочайшим утверждением; в отношении участковых и почетных судей – Особым присутствием консультации при министерстве юстиции с последующим утверждением

министром. Таким образом, проект содержал по данному вопросу пространные формулировки, открывавшие возможность для расширительного толкования [27, с. 179].

Подобным же образом решался *вопрос о гласности судопроизводства*. Формулировки проектов новой редакции Судебных уставов, воспроизводили позиции закона от 12 февраля 1887 г. [28, т. VII, № 4227] Согласно проекту, двери судебного заседания могли закрываться для публики по распоряжению министра юстиции или по определению суда «в видах ограждения достоинства государственной власти, охранения общественного порядка или обеспечения правильного хода судебных действий» [29]. Различие между проектом комиссии 1894 г. и ранее принятым законом состоит в следующем: согласно проекту председательствующий при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании мог оставить в зале, кроме очередных присяжных заседателей, лиц судебного ведомства, «присяжных поверенных, а также других лиц по особо уважительным на то причинам» [29, ст. 587].

Комиссия Муравьева (2-е отделение) подготовила проект *реформы адвокатуры, ограничивавшей ее* корпоративную свободу, и ставившей в подчинение суду [30, с. 4].

Официальная оценка ведомствами проекта Комиссии Муравьева

В конце 1899 г. проекты, разработанные Комиссией Н.В. Муравьева, были направлены в ряд ведомств для обсуждения. Отзывы разных ведомств от Императорского человеколюбивого общества до Государственного коннозаводства, а также от ряда губернаторов (Степного, Приамурского, Варшавского и др.) составили объемистую книгу (913 страниц) [31].

Самый пространный отзыв – почти триста страниц [31, с. 475 – 749] – прислало *Министерство финансов* (подписан министром С.Ю. Витте). Через проблемы фискальных расходов на суд Министерство финансов дало критику проекта Комиссии Н.В. Муравьева по существу. В отзыве, в частности, отмечалось: «Новые большие затраты на судебную организацию находили бы себе оправдание в том только случае, если бы наш судебный строй вовсе не удовлетворял требованиям правосудия. Если бы в нем были заметны вопиющие пробелы и несовершенства, подобные хотя бы тем, которыми был отмечен наш дореформенный судебный порядок, и которые не могли быть исправлены иначе, как коренной ломкой всего здания. Но, кажется, ничего подобного в действующей судебной организации не замечается. В ней есть известные несовершенства, есть части, требующие изменения, известны наросты и наслоения, которые *должны быть сглажены и удалены* (курсив наш – К.К.); но ее общий план, ее основные начала еще настолько удовлетворительны, что послужили руководящими основаниями для намеченных Комиссией преобразований. Конечно, всегда заманчивой представляется построение нового, более совершенного здания, но если такая постройка не по средствам строителю, то благоразумие заставляет от нее отказаться и ограничиться некоторым ремонтом старого, далеко еще не ветхого здания Судебных уставов 1864 г.» [31, с. 479]. Иными словами, Минфин поставил под сомнение вообще весь проект Комиссии Муравьева.

Далее была дана достаточно жесткая критика местного суда в губерниях, в которых были введены земские начальники [31, с. 482]. Комиссия Муравьева устранилась от обсуждения вопроса о них, полагая, что они находятся в компетенции МВД. Вопрос о земских начальниках был параллельно с Комиссией Муравьева рассмотрен Особым совещанием из чинов МЮ и МВД во главе с двумя министрами – Н.В. Муравьевым и И.Л. Горемыкиным. Однако она решила сохранить *status quo*. Минфин справедливо критиковал эту уклончивую позицию. Существование в этих губерниях параллельно земских начальников и участковых судей, проектируемых Комиссией Муравьева, Минфин признал крайне неудачным и еще более запутанным, чем ранее, но к тому же и еще более затратным (т.е. порочным и с финансовой, и с юридической точек зрения). Более того, и *сам институт земских начальников* был подвергнут критике в отзыве Минфина [31, с. 491].

В отзыве Минфина детально затрагивались и многочисленные вопросы устройства суда уголовного [31, с. 591] и гражданского судопроизводства [31, с. 675 – 745], вносились предложения по совершенствованию предварительного следствия в целях усиления гарантий обвиняемого, в том числе даже *допуск защитника на следствие*, вопреки мнению Комиссии [31, с. 591 – 594].

Достаточно объемный отзыв (140 страниц) представило *Военное министерство*. Это неудивительно, так как преобразования общей юстиции должны были отразиться на военном правосудии (как это имело место и в 60-е годы). Так военные выступили с критикой проекта Комиссии «дробившего» кассационный суд, предлагая восстановление единства кассации, закрепленного в Уставах 1864 г. [31, с. 80 – 81] Военное ведомство высказалось в поддержку привлечения в состав присяжных заседателей офицеров (в 1864 г. эта идея была отвергнута) «в видах улучшения состава присяжных» [31, с. 101]. Однако оно предложило установить служебный ценз (8 лет военной службы), чтобы молодые офицеры с «не устоявшимися взглядами» не попадали на скамью присяжных. Весьма разумно!

Ряд замечаний касался разделения военной и гражданской подсудности в отношении некоторых категорий лиц, причастных к армии, а также производства в отношении военнослужащих, совершивших общие преступления вместе с гражданскими лицами, повышения роли начальства при решении судами вопроса об избрании меры пресечения для военных, а также касающихся юрисдикционных полномочий военного начальства в регионах, подчиненных Военному министерству (Туркестанский край и Степные области) и др.

Весьма пространный (120 страниц) отзыв представило *МВД*. Общий дух и буква этого отзыва нес печать давнишнего, еще с 60-х годов, противостояния с МЮ, не были забыты и относительно недавняя (1887 – 1889 гг.) «пря» между этими ключевыми имперскими ведомствами вокруг проекта закона о земских начальниках.

МВД коснулось намечаемых изменений судебного строя только в отношении «внутренних губерний» (где существовал институт земских начальников). Им было предложено расширить уголовную и гражданскую подсудность уездного члена окружного суда (сократив ее у окружного суда). Одновременно МВД было против участковых судей для сельского населения [31, с. 773], а также предложения о соединении у участковых судей обязанностей следователя и судьи. Использовался даже

такой аргумент, как «разное мышление у судьи (особенно по гражданским делам – рассудительность) и следователя – настойчивое отыскание виновного, энергия по горячим следам». Полицейское ведомство, демонстрируя защитную реакцию, не согласилось с преувеличенно негативной, по его мнению, оценкой полицейского дознания, а оценка жандармского дознания, данная в Объяснительной записке, признавалась и вовсе неверной. Однако была поддержано предложение учредить судебную полицию [31, с. 793].

Также МВД предложило установить повышенные критерии для должности участкового судьи; в противном случае, считали в полицейском ведомстве, судьями станут мальчишки, только что окончившие гимназию, всего через 2 года кандидатского стажа [31, с. 800].

МВД критиковало проект за то, что он не обеспечил упрощения судебной организации. Из 22 гражданских судебных инстанций проекта – 9 являлись новыми. А упразднялись бы только 2 (городской судья и окружной суд как апелляционная инстанция по делам его уездных членов) [31, с. 808 – 809]. По гражданским делам – немногим проще – 11 судебных инстанций.

Не достигла, по мнению МВД Комиссия и поставленной задачи объединения судебного строя, напротив, считали в МВД, проект окончательно расколол судебный строй на несколько независимых друг от друга частей [31, с. 813].

Весьма пространно высказалось МВД по поводу участия в суде общественного элемента. МВД отвергло претензии Комиссии к «милым его (МВД) сердцу» сословным представителям (вялость репрессии и их безразличное отношение к своим обязанностям, уклонение от них). МВД с радостью согласилось с «мнением многих лиц, близко стоящих к местному управлению и суду», что «особое присутствие судебной палаты с участием сословных представителей является одной из лучших в нашем отечестве форм уголовного суда» [31, с. 830]. И, напротив, МВД жестко критиковало институт присяжных заседателей, прежде всего за, якобы, низкую репрессию, а также непостоянство взглядов, неспособность противостоять «впечатлению софистических рассуждений и других недостойных правосудия ухищрений, составляющих обычный в неправых делах прием представителей защиты» [31, с. 842]. Авторы отзыва ссылались даже на роман «Воскресение» Л.Н. Толстого с его уничтожающей критикой суда присяжных, а также на ряд «возмутительных» оправдательных приговоров (по делам В. Засулич, О. Палем и др.), «где, несмотря на добросовестность представителей обвинения, старания защиты напустить тумана, запутать и сбить присяжных с толку и подействовать на их нервную систему увенчались полным успехом и вызвали оправдание несомненных преступников [31, с. 842 – 843]. «Являя населению пример беззакония, подобный суд не может воспитывать в народе чувство законности» [31, с. 845], заявляли представители ведомства, не без основания считавшегося главным нарушителем закона в стране.

Напротив, МВД стояло горой за ряд институтов, считавшимися важной основой власти Администрации, бюрократии, ее верховенства. Во-первых, МВД категорически отстаивало сохранение института земских начальников, хотя, как отмечалось, проект Комиссии Муравьева на него и не покушался. С таким же рвением представители полицейского ведомства критиковали предложения проекта сузить действие

административной гарантии и расширить власть прокурора (оно даже рассматривало прокурора как простого юрисконсульта, разъясняющего закон в суде) в решении вопроса о привлечении чиновников к уголовной ответственности. МВД усматривало в этом покушение на его власть и полномочия, умаление ее авторитета, вспомнив даже о принципе разделения властей [31, с. 849]. В других, удобных для МВД случаях, оно о нем и не вспоминало.

Интересно, что отзыв обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева [31, с. 897 – 907], злого гения судебной реформы, не стал повторением ключевых предложений по «совершенствованию», а фактически по обезображению судебной системы, «исторгнутых» им в 1885 г., а затрагивал лишь некоторые аспекты судопроизводства по делам, касавшимся духовного ведомства, религиозных преступлений.

Столь же неоднозначными были оценки результатов работы Комиссии Муравьева со стороны профессионального сообщества. Если авторы консервативного толка позитивно отнеслись к проекту [32, с. 10 – 11; 33, с. 60 – 77; 34, с. 78 – 134; 35, с. 1 – 22; 36, с. 151– 215], то либералы восприняли его «в штыки», не оставив от него камня на камне [37; 38, с. 80, 335 – 336; 39, с. 413 – 452]. Не осталась в стороне и общественно-политическая публицистика [40] с ее «крайне резкими» оценками «за» [41; 42; 43; 44] и «против» [45, с. 93 – 100; 46, с. 1–19].

Итак, последний ведомственный отзыв поступил в августе 1901 г. и, спустя три месяца, 31 декабря 1901 г., проект новой судебной реформы, разработанный «Муравьевской комиссией», поступил в Государственный Совет. Однако принят он не был и канул в Лету. 9 июня 1904 г. было создано Особое совещание в составе Государственного совета под председательством И. Л. Горемыкина, деятельность которого оказалась бесплодной. Проекты Комиссии Н. В. Муравьева «завязли» в его недрах, а в мае 1905 г. обсуждение и вовсе прекратилось, на этот раз окончательно: правительство и сам царь, очевидно, «остыли» к идее тотальной перестройки судебной системы, к тому же требующей немалых средств. Война с Японией, и революция 1905 г. вообще сняли вопрос о новой реформе суда с политической повестки.

То, что результаты работы Комиссии оказались не принятыми правительством, отразило, по мнению Ф.К. Тарановского, расстановку политических сил, и в особенности острое разделение в среде самой бюрократии. То, что было предложено – было слишком мало и сделано это было слишком поздно, – обычное дело для разлагающихся режимов. Один из современных исследователей (Йорг Баберовский) отмечает, что Муравьев стремился укрепить бюрократический надзор и усилить контроль над судебной системой в результате эксперимента, который с самого начала пошел не в том направлении [47, с. 145 – 170].

Не следует упускать из виду и сопротивление наиболее «радикально-консервативным» предложениям в самой Комиссии. Участие ряда либеральных юристов, поклонников духа и буквы Судебных уставов (напр., А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, В. О. Люстиг и др.) сыграло свою роль в том, что проект оказался не столь разрушительным для Уставов. «Вы себе представить не можете, писал А. Ф. Кони 12 июля 1899 г. публицисту П. Н. Обнинскому, сколько я выстрадал за эти 5 лет в 300 с лишком заседаний, оставаясь по большей части один со своими мнениями и не встречая

никакой поддержки в подтасованной комиссии... Ведь это все равно, что присутствовать при изнасиловании женщины, которая была вашей “первой любовью” без всякой реальной возможности ей помочь» [48, т. 8, с. 151].

Подводя итоги, следует заключить следующее. Отечественный суд за четыре десятилетия, прошедшие с момента его реформирования в 1864 г. успешно «притерся» к системе государственных институтов и учреждений. Усилиями правительства в 1870-е – конец 1880-х гг. были в значительной степени искорёжены демократические принципы и институты суда, введенные Уставами 1864 г. Отменить их было невозможно, ибо они составляли сердцевину современного цивилизованного суда. Путь же «оскопления» принципов и институтов Судебных уставов был уже пройден: дальше идти было некуда. И Муравьевская комиссия это подтвердила.

Сравнительный анализ законодательства 1870 – 1880-х гг. и подготовленных Комиссией проектов показывает их совпадение или пересечение по ряду позиций. Проекты Комиссии, по сути, повторили ряд положений закона 1885 г. об ограничении судейской несменяемости, законов 1887 г. об ограничении гласности суда и порядке формирования суда присяжных и 1889 г. о сокращении компетенции суда присяжных, наконец, они сохранили институт земских участковых начальников. Контрреформенные законы 1870 – 80-х гг. прошли своеобразную поверку в Муравьевской комиссии.

Изначально перед министром юстиции Муравьевым была поставлена неразрешимая задача – пересмотр Уставов 1864 г. на основе их формальной неприкосновенности. Лицемерие и двойственная позиция министра юстиции в ходе деятельности созданной и вдохновлявшейся им Комиссии объяснялись не столько его личными качествами, которые, по свидетельству современников, оставляли желать лучшего, сколько поставленной перед ним как министром и председателем Комиссии «сверху» задачей.

Н. В. Муравьев публично провозглашал незыблемость принципов и институтов Уставов 1864 г., на которые Комиссия якобы не собиралась покушаться, а в докладе, представленном царю, писал не только об ограничении, но и об упразднении провозглашенных Судебными уставами основ. Если в начале работы Комиссии идея системного пересмотра Уставов была в определенной степени поддержана русской юридической общественностью, то по мере продвижения ее работы, сторонники судебной реформы отходили от нее, стали подвергать суровой критике.

Двойственная позиция министра юстиции не могла не отразиться и в проектах Комиссии, иначе как можно объяснить тот факт, что, пересматривая всю систему судебных органов, она сохранила институт земских участковых начальников, несостоятельность которого была всем, кроме самых отчаянных консерваторов и охранителей, очевидна. Противоречия, заложенные в проектах, делали их нежизнеспособными.

Выскажу гипотезу, что, проживи император Александр III еще 5 – 6 лет, Комиссия Муравьева завершила бы свою работу с последовательно консервативным проектом новой редакции Судебных уставов, в духе «наставлений» К. П. Победоносцева. Николай II, к счастью, не стал особо вмешиваться в деятельность Комиссии и либе-

ральный дух, равно как и буква Уставов все же в значительной мере не были затронуты.

На Комиссию была возложена задача системного пересмотра Уставов 1864 г. Она же на самом деле подготовила проект новой судебной реформы, предусматривавший новую конструкцию судебной системы. Нужно ли было правительству в таких масштабах переустраивать судебную систему? Были ли на это силы и средства?

Возможно, что министр юстиции вышел за пределы предоставленных ему полномочий и не смог соотнести реальные условия и возможности государства, общественные потребности со взятыми на себя обязательствами по переустройству суда. Форма – судебная система – вполне устраивала и правительство, и общество. Переустройство ее повлекло бы колоссальные и совершенно неоправданные расходы для казны. Две судебные реформы в течение четырех десятилетий — это было бы слишком. Еще судебная реформа не была проведена в обширных окраинах страны, а в недрах Министерства юстиции уже была спроектирована новая. Наполнявшие же эту форму содержание, принципы и институты судоустройства и судопроизводства можно было менять, не тратя столько сил и средств, сколько требовала реализация проекта Комиссии Муравьева.

Итак, проекты новой редакции Судебных уставов оказались «мертворожденными». Колоссальная работа, в которую были вовлечены сотни людей со всей России, и которая заняла более 5 лет, и стоила бюджету 100.000 рублей, оказалась напрасной. Вместо «всестороннего пересмотра» судебных законоположений образца 1864 г. дело завершилось, по словам того же Н. В. Муравьева, «согласованием заключающихся в них противоречий вместе с внимательным исправлением обнаруженных недостатков и восполнением несомненных пробелов». «Гора родила мышь»...

Литература

1. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова / Ред. и коммент. П. А. Зайончковского. В 2-х тт. М.: Наука, 1966. 578 с. Т. 2. 1887 – 1892 гг.
2. *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи. 1802 – 1917. М.: Наука, 1983.
3. Речь министра юстиции при открытии заседаний комиссии по пересмотру Судебных уставов // Русская мысль. 1894. Кн. 7.
4. *Taranovski T.* The Aborted Counter-Reform: Murav'iev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // *Jahrbuher fur Geshichte of Osteuropas.* 1981. № 29.
5. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. СПб., 1900. Т. 1.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 995 (личный фонд Н. В. Муравьева). Оп. 3. Д. 15.
7. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.-Пг, 1923. Т. 1.
8. *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Т. 2. Речи и сообщения. СПб, 1900.

9. Дело выс. учр. Особого в составе Государственного совета совещания для подробного обсуждения законопроектов по пересмотру законоположений по судебной части. // РГИА Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1.
10. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. В 2-х тт. Пг, 1914. Т. 2.
11. Министерство юстиции в первое десятилетие царствования императора Николая II. 1894 – 1904. СПб, 1904.
12. Записка министра юстиции об итогах работы Комиссии по пересмотру судебного законодательства, представленная в Государственный Совет // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 327.
13. Журнал Министерства юстиции (ЖМЮ). 1894. № 11.
14. Труды выс. учр. Комиссии ... СПб, 1895. Т. 1.
15. Журнал заседания Комиссии № 2 (6 мая 1894 г.) // ЖМЮ. 1894. № 2.
16. *Муравьев Н. В.* Объяснение на первом заседании соединенных департаментов Государственного совета при рассмотрении представления министра юстиции по пересмотру законоположений по судебной части, 16 декабря 1902 г. // Последние речи. 1900 – 1902. СПб, 1903.
17. Выс. учр. Комиссия Подготовительные материалы. Т. X. СПб., 1895.
18. *Городыцкий Я. К.* Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. // ЖМЮ. 1901. № 2.
19. *Городыцкий Я. К.* Уголовное судопроизводство // ЖМЮ. 1901. №3.
20. *Городыцкий Я. К.* Уголовное судопроизводство // ЖМЮ. 1901. № 4.
21. *Городыцкий Я. К.* Гражданское судопроизводство // ЖМЮ. 1901. № 4.
22. Труды выс. учр. Комиссии СПб., 1895. Т. 2.
23. Труды выс. учр. Комиссии СПб., 1895. Т. 3.
24. Труды выс. учр. Комиссии СПб., 1895. Т. 6.
25. Труды выс. учр. Комиссии. Т. 9. Журнал; 4. Прил. 9. СПб, 1899.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. V. 1885.
27. *Немытина М.В.* Суд в России: 2-я половина XIX – начало XX века. Саратов, 1999.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. VII. 1885.
29. Выс. учр. Комиссия ... Проект ... Уст. угол. суд. Ст. 582 – 585.
30. Выс. учр. Комиссия ... Обсуждение вопроса об изменениях в устройстве адвокатуры. СПб, 1897. Журнал № 6 (заседания 18, 19 и 20 января 1897г.).
31. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам. СПб, 1901.
32. *Цертелев Д.* По поводу пересмотра Судебных уставов императора Александра II. М., 1895.
33. *Шиловский П.П.* Мысль о нашей судебной реформе// Судебные очерки. Вып. 1. СПб, 1899.
34. *Шиловский П. П.* Коренные недостатки русского суда // Судебные очерки. Вып. 1. СПб, 1899.
35. *Дейтрих В. Ф.* О суде присяжных. Вопрос о его реорганизации // ЖМЮ. 1895, № 6.
36. *Щегловитов И. Г.* Пересмотренные Судебные уставы накануне законодательного обсуждения// ЖМЮ. 1902. № 1.

37. Даневский В. По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства. М., 1896;
 38. Михайловский И. В. К вопросу об уголовном суде. По поводу предстоящей судебной реформы. Нежин, 1899.
 39. Гогель С. К. По поводу проекта судебной реформы 1900 г. // Гогель С. К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований. СПб, 1906.
 40. Сорокин А. А. Деятельность Комиссии Н. В. Муравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (17).
 41. Гражданин. 1894, 12 апреля.
 42. Гражданин. 1894, 4 июня.
 43. Русские ведомости. 1894, 11 июня.
 44. Русская жизнь. 1894, 16 июня.
 45. Обнинский П. Местная юстиция и общие суды // Русская мысль 1896. № XII.
 46. Пересмотр Судебных уставов // Русское богатство. 1901. № 2.
 47. Wortman R. Russian Monarchy and the Rule of Law: New Considerations of the Court Reform of 1864 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 6. 2005. No. 1.
 48. Кони А. Ф. Собр. соч. В 8-ми тт. М., 1966. Т. 8.
-

Krakovskiy Konstantin Petrovich, Doctor of law, Professor of the department of political sciences of the Institute of public service and management, the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Ave., Moscow, 119606, Russian Federation).

E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru.

THE INCOMPLETE JUDICIAL COUNTER-REFORM MURAV'EV COMMISSION (1894 – 1899)

Abstract

The article is devoted to different aspects of N.V. Murav'ev Commission's activity, which prepared the project, directed to the conservative revision of the Judicial Statutes of 1864. It must be final chord of the judicial counter-reform.

Key words: *Judicial Statutes of 1864, judicial reform, judicial system, jury, justice of the peace, land captains, legal proceedings, principles of justice, conservatism, liberalism.*

References

1. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya A. A. Polovcova / Red. i komment. P. A. Zazonchkovskogo. V 2-h tt. M.: Nauka, 1966. 578 s. T. 2. 1887 – 1892 gg.
2. Efremova N. N. Ministerstvo yusticii Rossijskoj imperii. 1802 – 1917. M.: Nauka, 1983.
3. Rech' ministra yusticii pri otkrytii zasedanij komissii po peresmotru Sudebnyh ustavov// Russkaya mysl'. 1894. Kn. 7.

4. *Taranovski T.* The Aborted Counter-Reform: Murav'iev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // *Jahrbuher fur Geshichte of Osteuropas.* 1981. № 29.
5. *Vysochajshe uchrezhdennaya komissiya dlya peresmotra zakonopolozhenij po sudebnoj chasti. Ob"yasnitel'naya zapiska k proektu novej redakcii Uchrezhdeniya sudebnyh ustanovlenij.* SPb, 1900. T. 1.
6. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 995 (lichnyj fond N. V. Murav'eva). Op. 3. D. 15.*
7. *K. P. Pobedonoscev i ego korrespondenty. M.-Pg., 1923. T. 1.*
8. *Murav'ev N. V. Iz proshloj deyatel'nosti. T. 2. Rechi i soobshcheniya.* SPb, 1900.
9. *Delo vys. uchr. Osobogo v sostave Gosudarstvennogo soveta soveshchaniya dlya podrobnogo obsuzhdeniya zakonoproektov po peresmotru zakonopolozhenij po sudebnoj chasti. // RGIA F. 1587. Op. 1. D. 1.*
10. *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 g. za 50 let. V 2-h tt. Pg, 1914. T. 2.*
11. *Ministerstvo yusticii v pervoe desyatiletie carstvovaniya imperatora Nikolaya II. 1894 – 1904.* SPb, 1904.
12. *Zapiska ministra yusticii ob itogah raboty Komissii po peresmotru sudebnogo zakonodatel'stva, predstavennaya v Gosudarstvennyj Sovet // RGIA. F. 1405. Op. 539. D. 327.*
13. *Zhurnal Ministerstva yusticii (ZhMYu). 1894. № 11.*
14. *Trudy vys. uchr. Komissii SPb, 1895. T. 1.*
15. *Zhurnal zasedaniya Komissii № 2 (6 maya 1894 g.) // ZhMYu. 1894. № 2.*
16. *Murav'ev N. V. Ob"yasnenie na pervom zasedanii soedinennyh departamentov Gosudarstvennogo soveta pri rassmotrenii predstavleniya ministra yusticii po peresmotru zakonopolozhenij po sudebnoj chasti, 16 dekabrya 1902 g. // Poslednie rechi. 1900 – 1902. SPb, 1903.*
17. *Vys. uchr. Komissiya Podgotovitel'nye materialy. T. H. SPb., 1895.*
18. *Gorodyskij Ya. K. Nashi sudy i sudebnye poryadki po dannym revizii 1895 g. // ZhMYu. 1901. №2.*
19. *Gorodyskij Ya. K. Ugolovnoe sudoproizvodstvo // ZhMYu. 1901. №3.*
20. *Gorodyskij Ya. K. Ugolovnoe sudoproizvodstvo // ZhMYu. 1901. № 4.*
21. *Gorodyskij Ya. K. Grazhdanskoe sudoproizvodstvo // ZhMYu. 1901. № 4.*
22. *Trudy vys. uchr. Komissii SPb, 1895. T. 2.*
23. *Trudy vys. uchr. Komissii SPb, 1895. T. 3.*
24. *Trudy vys. uchr. Komissii SPb, 1895. T. 6.*
25. *Trudy vys. uchr. Komissii. T. 9. Zhurnal; 4. Pril. 9. SPb, 1899.*
26. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. T. V. 1885.*
27. *Nemytina M.V. Sud v Rossii: 2-ya polovina XIX-nachalo HH veka. Saratov, 1999.*
28. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. T. VII. 1885.*
29. *Vys. uchr. Komissiya ... Proekt ... Ust. ugol. sud. St. 582 – 585.*
30. *Vys. uchr. Komissiya ... Obsuzhdenie voprosa ob izmeneniyah v ustrojstve advokatury. SPb, 1897. Zhurnal № 6 (zasedaniya 18, 19 i 20 yanvarya 1897g.).*
31. *Svod otzyvov vedomstv po vyrabotannym Komissiej zakonoproektam. SPb, 1901.*

32. *Certelev D.* Po povodu peresmotra Sudebnyh ustavov imperatora Aleksandra II. M., 1895.
33. *Shilovskij P. P.* Mysl' o nashej sudebnoj reforme // Sudebnye ocherki. Vyp. 1. SPb., 1899.
34. *Shilovskij P. P.* Korennye nedostatki russkogo suda // Sudebnye ocherki. Vyp. 1. SPb., 1899.
35. *Dejtrih V. F.* O sude prisyazhnyh. Vopros o ego reorganizacii // ZhMYu 1895. № 6.
36. *Shcheglovitov I. G.* Peresmotrennye Sudebnye ustavy nakanune zakonoda-tel'nogo obsuzhdeniya // ZhMYu. 1902. № 1.
37. *Danevskij V.* Po povodu predstoyashchej reformy nashego sudoustrojstva. M., 1896;
38. *Mihajlovskij I. V.* K voprosu ob ugolovnom sude. Po povodu predstoyashchej sudebnoj reformy. Nezhin, 1899.
39. *Gogel' S. K.* Po povodu proekta sudebnoj reformy 1900 g. // Gogel' S. K. Voprosy ugolovnogo prava, processa i tyur'movedeniya. Sobranie issledovanij. SPb, 1906.
40. *Sorokin A. A.* Deyatel'nost' Komissii N. V. Murav'eva po reforme mestnogo suda i liberal'naya obshchestvennost' v konce XIX v. // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2014. № 4 (17).
41. Grazhdanin. 1894, 12 aprelya.
42. Grazhdanin. 1894, 4 iyunya.
43. Russkie vedomosti. 1894, 11 iyunya.
44. Russkaya zhizn'. 1894, 16 iyunya.
45. *Obninskij P.* Mestnaya yusticiya i obshchie sudy // Russkaya mysl' 1896. № XII.
46. Peresmotr Sudebnyh ustavov // Russkoe bogatstvo. 1901. № 2.
47. *Wortman R.* Russian Monarchy and the Rule of Law: New Considerations of the Court Reform of 1864 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 6. 2005. No. 1.
48. *Koni A. F.* Sobr. soch. V 8-mi tt. M., 1966. T. 8.